

Dmitri Panchenko

*Saint Petersburg State University;
Higher School of Economics in Saint Petersburg*

*dmpanchenko@yahoo.com
dmpanchenko@mail.ru*

ROSTOVTZEFF AND HIS *SOCIAL AND
ECONOMIC HISTORY OF THE ROMAN EMPIRE*:
A COMMENT ON A SCHOLARLY MASTERPIECE*

The reputation of *The Social and Economic History of the Roman Empire* (1926) is contradictory. On the one hand, Rostovtzeff's work has been recognized as a masterpiece. On the other hand, its main ideas have been repeatedly dismissed. The critics pointed to the personal experience of Rostovtzeff, an exile from revolutionary Russia; they saw in his argument the intrusion of the concerns that properly pertain to Russian history. However, there is no direct retrojection of Russian conditions onto the Roman Empire in Rostovtzeff's work, and his personal experience, that of a historian emotionally preoccupied with the problems of his own time, gave him a more acute vision of comparable phenomena of the past. The ideas of *The Social and Economic History of the Roman Empire* are in fact profound and persuasive though, of course, not all of them are unimpeachable. The book traces the fate of the Roman Empire with its institutions, social groups and economy. It is a tragic story of "how and why the brilliant life of the early Empire so completely degenerated into the primitive and half-barbarous life of the later period", and here the reader senses the emotional involvement of the author. Such and similar features of *The Social and Economic History of the Roman Empire* make this book, with its formidable scholarly apparatus, akin to all great books that illuminate the human condition, and to the grand European novels in particular, and this must be recognized as a remarkable achievement rather than an idiosyncrasy.

"Социальная и экономическая история Римской империи" Ростовцева, с одной стороны, очень быстро получила статус классической работы, но с другой – ее идеи неоднократно отвергались; в них, в частности, видели проекцию на древнюю историю проблем, волновавших русского эмигранта. На деле идейный каркас исследования крепко сколочен, и автор вовсе не стремится населять Римскую империю русскими реалиями, а опыт исторической драмы, которую на его глазах пережила Россия, лишь обострил взгляд

Ростовцева на ход истории. Его книга, справочный аппарат которой при подготовке второго издания сочли уместным вынести в отдельный том, является тем не менее превосходным примером того, как в своем высшем проявлении история может принадлежать литературе. Там, где прослеживается и постигается судьба, – человека, семьи, народа, цивилизации, – это литература. У большого писателя и большого историка разный материал, и их методы построения текста далеко не во всем сходны, но их общим интересом является понимание хода жизни. Перед читателем “Социальной и экономической историей Римской империи” открывается судьба – римского государства и особенно созидательных аспектов римской цивилизации; судьба, которую, в общем-то, можно обозначить двумя словами – деградация и крушение.